

2012/1 (7)

УДК 929.52

Содержание

Скибинская О. Н.

Теоретическая культурология

Культурно-исторические основы исследования рода
в провинциальной российской традиции

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»:
социальный конструктивизм
vs. медиализация

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-исторические основы изучения рода, а также представлены результаты исторического исследования рыбинского рода Жилых-Жиловых (XVII — нач. XX в.), отражающие специфику провинциальной традиции.

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф
или реальность?

Ключевые слова: провинциальный род, патрилинейность, родовое имя, locus рода, сакрум рода, гендерный аспект

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов
памяти и забвения
в исторической перспективе

В условиях неослабевающего интереса к так называемой «локальной истории» и одновременно в условиях прерванной генеалогической традиции и отсутствия к началу XXI в. комплексных, обобщающих работ, посвященных исследованию феномена провинциального рода, культурно-исторические основания исследования данной проблематики остаются неотрефлексированными.

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы
исследования рода
в провинциальной российской
традиции

Традиционное смысловое наполнение понятия род практически не изменилось за последние века. «Род — это много людей, происходящих от одного родоначальника», — писал в VII в. Исидор Севильский в «Двадцати книгах этимологии» [1]. Тысячу триста лет спустя Ф. Энгельс в общем-то ничего нового не добавит в это определение, говоря о «весьма определенном кровном родстве, в силу которого объединяемые им индивиды только и становятся родом» [2]. Эта же наиболее актуализированная трактовка закреплена в понятийном аппарате генеалогии и этнологии; то же традиционное соотношение используют политическая экономия, история, социология (толкование рода как «общественной организации первобытнообщинного строя» [3] остается за пределами нашего исследования).

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования
аксиологического пространства

Ряд примечательных аспектов в исследовании рода как культурного феномена дает семантический анализ однокоренных слов. Этимология слова «род», по М. Фасмеру, восходит не только к «обильному урожаю, многочисленной семье», но и к понятиям «прямой, правильный, истинный»; слово родственно латинскому arbor — дерево [4]. Этимологическое пространство рода резко расширяется с употреблением приставки на-, имеющей «усилительное значение» [5]. Синонимами однокоренного слова «народ», являются не только слова «толпа», «население», но и «этнос», «нация». Употребление другого однокоренного слова «родители» во множественном числе в древнерусском и старославянском языках для обозначения отца и

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности
культурологического подхода
к анализу и оценке

Румянцев М. В.

Лаптева М. А.

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Андреева С. В.

Междисциплинарное исследование
креативных индустрий
и творческой экономики
Красноярска

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.
Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.
Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.
Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.
Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.
Кондаков И. В.
Костина А. В.
Шапинская Е. Н.
Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.
Разлогов К. Э.
Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.
Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.
Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.
Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.
Курова-Чернавина Н. С.
Энциклопедический текст на фоне

матери первоначально распространялось гораздо глубже — на ряд предков, аналогично латинскому *parentes* [6]. Данное производное словообразование имело вполне определенную смысловую составляющую: традиционная славянская обрядность обозначала родителей именно как «благодетельных предков» [7] (в противовес «упырям» — «вредоносным мертвецам» [8]).

«Родовая тематика» активно присутствует в народных пословицах, поговорках и фразеологических оборотах. И здесь мы опять имеем дело с четко отрефлексированной ценностной ориентацией. Однозначно позитивное отношение к индивиду, принимающему родовые ценности как обязательное условие полноценного настоящего и единственное условие реализации будущего («Это у нас в роду», «На роду написано, что предопределено» и т.д.). Негативно, причем резко негативно оценивается индивид, оказывающийся за пределами родового пространства: «Ни роду, ни племени» говорится о человеке без родины, без родственных связей, об одиноком человеке [9]. Таким образом, уже семантически род предстает не только как «средство познания» реальности, но и как «средство участия» [10].

Данный культурно-исторический аспект актуализируется во всех традиционных культурах через выполнение брачных или погребальных ритуалов, через обряды инициации, в культуре повседневной жизни, через посмертный культ предков и т.д.

Новые аспекты рода как культурного феномена можно выявить на той стадии развития общества, когда родовые связи начинают фиксироваться документально. Так, установление и закрепление родства в древней Руси не просто констатировало «биологические» кровнородственные связи. Прежде всего, оно решало прикладные задачи — помогало регулировать социально-экономические отношения русского общества XI–XII вв., оформленные в «Правде Русской». Первый документ, закрепляющий семейное право в Древней Руси, в частности, права вступления в наследство, структурировал коммуникативные связи не только внутри рода, но и между родом и обществом. Например, статья 92 гласила: «Аже кто умирая раздилить дом свои детем, на том стояти; паки без ряду умереть, то всим детем и самому часть дати души» [11]. В Средние века представители рода в пространстве общественных отношений выступают как субъекты права, а принадлежность роду могла быть символом социальной статусности. В первую очередь, это относится к представителям правящей элиты, для которых документально подтвержденное родство являлось чаще всего единственным свидетельством легитимности их власти.

Обозначим культурно-исторические основы, позволяющие наиболее целостно рассматривать данный культурный феномен. Прежде всего, любой род определяется «кровным единством своих членов, понимаемым в смысле общего происхождения (от общего отца, общей матери или общей четы прародителей)» [12]. Диалектика взаимоотношений между отдельным членом семьи, семьей и родом, по Л. П. Карсавину, определяется «неуловимостью перехода семьи в род», ибо «трудно указать ее начало во времени и пространстве. Еще затруднительнее в каждом члене семьи указать, где и в чем он перестает быть ею» [13].

В патриархальном роду кровно-биологические системы родства исчисляются по мужской линии. Однако *патрилинейность* не является единственной основой патриархального рода. О собирании патриархального рода можно говорить, на наш взгляд, с возникновением и

Коваленко Т. В.

О создании Южного филиала
Российского института
культурологии

последующего закрепления *родового имени* — фамилии. Так, Цицерон прямо указывал, что род — это «те, кто называются одним и тем же именем» [14]. С возникновением родового имени род легитимизирует себя, преодолевает «первобытный» хаос и начинает структурировать пространственно-временной континуум. С закрепления фамилии у индивида появляется осознание себя, своих предков и потомков не просто как членов одной семьи, но именно как части единого целого — рода.

И патрилинейность, и особенности формирования и трансформации родового имени в провинциальной традиции являют нам кальку общероссийских культурно-исторических закономерностей формирования патриархального рода как культурного феномена. Исследование архивных материалов позволяет с большей или меньшей глубиной построить родословные росписи или генеалогическое древо рода, демонстрирующие родственные связи представителей единого рода и положение каждого индивида в общей структуре родства. На основе собранного эмпирического материала нами восстановлена родословная 13 поколений (середина XVII в. — 1937 г.) провинциального патриархального рода Жилых-Жиловых, родоначальником которых, согласно нашему исследованию, является Стафей, проживавший в Рыбной слободе (ныне г. Рыбинск).

Впервые документально зафиксированное упоминание Жиловых встречается в архивных документах конца XVII в. [15] Правда, пока еще это не родовое имя (фамилия), а лишь «прозвание», не слишком устойчивое, уже к 1744 г. изменившее свою форму на Жилые [16]. В документах с 1770, по крайней мере, по 1842 г. они так и перемежаются, и лишь в 1874 г. именование всех представителей данного рода вернется к первоначальному варианту, который и станет их родовым именем — Жиловы.

На наш взгляд, следует обозначить еще ряд аспектов в исследовании рода, специфически проявляющихся в культурном поле провинции. Прежде всего, отметим локус рода. «Под локусом будем понимать любую заселенную или систематически используемую людьми территорию, в границах которой есть заданная степень сходства техноприродных ниш, социальных форм и культурных образцов» [17]. Говоря о локусе рода, в первую очередь, необходимо подчеркнуть, что географический локус провинциального рода с XVII по вторую половину XIX в. замкнут по отношению к окружающему миру, образуя один из его полюсов; на противоположном полюсе — безграничные российские просторы, «подарок географии» [18]. Не только для государственных и помещичьих крестьян, но и для посадских он ограничивается чаще всего конкретным поселением. Географический локус рода Жилых-Жиловых с середины XVII по конец XIX в., т. е. на протяжении 250 лет, связан исключительно с Рыбной слободой (с 1777 г. — город Рыбинск), расположенной «по правому берегу реки Волги и по обоим небольшой речки Черемхи, на месте ровном, но в рассуждении окрестностей своих несколько пониженном» [19].

Еще более жестко локализовано приватное пространство патриархального рода: согласно «Писцовой книге дворцовой ловецкой Рыбной слободы. 1674, 1675 и 1676 гг.», третье колено Стафея, Алешка и Захарко имели каждый свой двор, то есть участок земли с «хоромными строениями». При этом на дворе «оскудалого рыбного ловца Алешки Ларионова сына Стафеевского у него дети Васка 4, Алешка 2 лет, в доле двора и огорода 32 сажени, поперег пол осьмы сажени» значится еще и

«нищей брат родной Ивашка, у него дети Ивашко 7 лет, Митка 6 лет, Алешка году» [20]. Как видим, приватное пространство почти спрессовано центроостремительной силой патриархального мира. Та же модель проецируется и во внешний мир: за бревенчатыми стенами семейной «крепости» улицы и переулки Рыбной слободы в XVII — 80-е гг. XVIII в. пока «тесны, так сжаты, что в иных местах едва проникали солнечные лучи» [21]. Но с течением времени «тесные пределы» [22] публичного пространства постепенно расширяются и начинают дифференцироваться в зависимости от функциональной роли: «черемовский берег отличался своими приятностями», так как «за неимением общественных удовольствий» был отведен для праздничных гуляний слобожан [23]; часть пространства поселения уже имеет твердый статус торговых площадей; формируется производственная инфраструктура — строятся новые мельницы, амбары; все признаки транспортной инфраструктуры приобретает волжский путь и строящиеся по берегу Волги пристани, принимающие «низовые суда» и отправляющие «верховые суда» [24].

Публичное пространство оказывается тем дифференцированнее и сложнее в своем устройстве, чем активнее те или иные представители данного рода занимаются предпринимательской деятельностью. При этом, например, торговое пространство не исчерпывается исключительно экономическим компонентом, определяемом формулой «товар — деньги — товар», не исчерпывается уже потому, что «культурная традиция, в частности история торгова, прямо свидетельствует о том, что он с момента своего зарождения никогда не был простым экономическим обменом» [25], в частности, «сам торг представляет собой сложное культурное явление, в котором соединяются различные типы коммуникативных взаимодействий» [26]. Начало формирования экономического локуса рода Жилых-Жиловых, третьего колена Стафея, было положено довольно ограниченным торговым пространством — небольшими лавками на четырех торговых площадях Рыбной слободы второй половины XVII в., для которых товар поставляли приезжие купцы, а покупателями являлись исключительно рыбнослободцы и жители окрестных деревень, съезжавшиеся в рыночные дни: «в «Рыбной слободе площадь торговая, а торгуют в неделю один день в субботу, вдоль тое площади 38 сажен поперек от Волги реки 32 сажени. В Рыбной слободе площадь же меж лавками, вдоль 18 сажен поперек полдевяти (8,5) сажени. Да против Стоялой слободки площадь же вдоль 53 сажени поперек 11 сажен. Да в Рыбной же слободе площадь торговая, где бывает ярмонка... на Петров да на Преображение день, вдоль тое площади 60 сажен поперек от Волги реки да солодовенного двора 46 сажен...» [27].

Представители четвертого колена Стафея, кроме торговых лавок, уже владели амбарами, торговыми банями, которые были выстроены своими руками или по их заказу. А с пятого колена границы локуса расширились за пределы Верхневолжья, вплоть до Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга. Если «в 70–80-х гг. XVII в. в слободе была всего одна-две купеческие семьи, которые вели крупную “отъезжую” торговлю, в 1720-х гг. — уже более 7 семей. Эти купцы имели струги, которые использовали для перевозок товаров из Среднего Поволжья до Рыбной слободы, и от 2 до 10 барок (иногда и больше), следовавших с товарами в Петербург по Вышневолоцкому пути...» [28].

Следствием расширения экономического локуса становится трансформация приватного пространства: пятое колено Стафея, Козма Федоров Жилон в 1751 г. уже имеет довольно представительный дом в

престижной по тому времени части поселения: «в Середнем ряду, на одном ряду хоромного строения: изба передняя, поземная (парадная одноэтажная), новая, при ней сени старые, да два чулана, на том же дворе баня, погреб с напогребником» (амбаром) [29]. Полвека спустя, в первой половине XIX в. в центре Рыбинска начал складываться архитектурный ансамбль в стиле «купеческого классицизма». Наиболее грандиозными получились выстроенные по проектам К. И. Росси особняки для богатейших купцов Ивана Крашенинникова, Лаврентия Крашенинникова, Михаила Тюменева и Алексея Тюменева. Рыбинским краоведам был известен и «проект дома Михайлы Жилова», выполненный в соответствии с аскетичной классикой: каменное двухэтажное здание в пять осей окон, первый этаж отделан рустом — грубо отесанным камнем, фасад горизонтально членен, скромный декор окон и раскреповок карниза, вход — со двора. Цель ясна: создать для владельца удобное жизненное пространство, органично соединенное со служебным помещением [30]. В ходе наших исследований удалось установить, что купец 3-й гильдии Михайло Алексеев Жилой (1768–1842), шестое колено родоначальника Стафея, в 1811 г. входил в первую сотню наиболее зажиточных и уважаемых земляков: «3 гильдии купец Михайло Алексеев Жилой... торговлю производит рыбой в розницу» [31]. Для вступления в 3-ю гильдию в это время требовалось объявить капитал в 8 000 руб. и удостоверение, что семья свободна от рекрутской повинности. Восстановленная родословная Жилых-Жиловых, топографическое исследование и изучение эскизов Росси позволили нам идентифицировать на одной из архивных фотографий [32] дом, выстроенный М. А. Жилым по проекту К. И. Росси [33]. Выявленные нами архивные источники доказывают, что в доме Михайлы Жилого на протяжении последующих более чем 100 лет родились и выросли четыре поколения его потомков [34]. К началу XXI в. дом не сохранился...

Важнейшей структурообразующей основой провинциального рода является его «единство духовное», которое, по Л. П. Карсавину, «выражено» и «властью... старейшего, в иерархическом соотношении членов», но прежде всего — «общим религиозным, духовно-культурным, бытовым и хозяйственным укладом» [35]. Мы полагаем, в данном контексте возможно актуализировать понятие «сакрального ядра, святыни — сакрума» [36]. Под сакрумом рода мы подразумеваем совокупность нравственных основ, религиозных оснований и проявлений повседневной культуры.

Согласно древнерусскому семейному кодексу, «в дому своем всякому христианину во всякой хранине святыя и честныя образы написаны на иконах по существу ставити на стенах устроив благолепно со всяким украшением и со светилники, в них же свечи пред святыми образы возжигаются на всяком славословии Божии» [37]. Безымянный современник в своем «Описании города Рыбинска» (1811), говоря об образе жизни земляков, подчеркивает: «Рыбинцы живут довольно хорошо и трезво, но без роскоши, пищу употребляют здоровую, но нелакомую... В домах наблюдают чистоту и опрятность... богатые... есть дома внутри очень хорошо расписаны, а у многих и мебель красного дерева; да и у бедных у редкого чтоб не была горница общекотурена или бумажками цветными обита; употребление же чая до такой степени дошло, что и последний мещанин за стыд поставляет не иметь у себя в доме самовара» [38].

Пространство родового дома структурировано ценностной ориентации его владельцев. «Мой дом» становится «моей крепостью» не только в силу замкнутости, физической защищенности от внешнего мира, но

является крепостью, опорой духовной и нравственной. Качество традиционности приобретается передачей ценностных норм от одного поколения рода другому, ибо «традицию образует не только конфессиональная “душа”, но и этнокультурное “тело”, воплощение конфессии в образе жизни» [39].

Именно ценностные ориентиры представителей исследуемого нами патриархального провинциального рода лежат в основе формирования секулярной среды исторического города: они активно строили не только жилые дома, но и, как мы отмечали выше, мельницы, амбары, торговые заведения, обустроивали пристани, ибо «люди трудятся, торгуют, воюют, ведут семейную жизнь и участвуют в деятельности социальных групп в соответствии с картиной мира, которая заложена в их сознании культурой их эпохи» [40]. В патриархальном провинциальном обществе очевиден примат христианской этики и морали. Достаточно детально роль «религии семьи и рода», того «религиозного кредо, в котором семья, брак и половое соитие, составляющее основу брака, возводилось в ранг абсолютных христианских ценностей» [41], отрефлектировано в трудах К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, Л. П. Карсавина.

В рамках данной ценностной ориентации, например, статус неженатого мужчины был невысок. Вот почему значительная часть семей исследуемого нами рода насчитывала трех и более детей (бездетными или с числом детей до трех семьи оставались или по причине высокой младенческой и детской смертности, или в силу обстоятельств, связанных со здоровьем супругов). Так, у вышеупомянутого Михайлы жены родились 8 детей, от второй — еще 10 [42]. У его младшего брата, Александра Жилого от первой супруги родился один сын, во втором браке — трое, в третьем браке — 10 детей [43]. Торговец «мучного и хлебного товара» В. И. Жилон в 1862 г. обитал на Череможской набережной в своем доме с семейством и службой в 24 человека: женой, 10 детьми, овдовевшей мачехой, тещей, службой (нянька, кухарка, горничная), служащими [44].

С середины XVIII в. представители исследуемого рода начинают активно участвовать в благотворительной деятельности. В начале XXI в. самым древним из сохранившихся православных храмов в Рыбинске является Казанская церковь: холодный храм построен в 1697, теплый — в 1720 г. Оба здания возведены и расписаны (в конце XVII в., и в 1767–1768 гг.) тщанием прихожан. Наше исследование родословной позволило установить, что изображенные на фресках центральной арки, ведущей из трапезной части храма в четверик, т.е. на почетном месте, преподобные святой мученик Филимон и великомученик Прокопий, являлись небесными покровителями рода Жилых-Жиловых, представители которого состояли старостами этой церкви по началу XX в., т.е. на протяжении более чем полутора веков. На правом столпе четверика частично сохранилось клеймо: «...благочестивейшая самодержавнейшая государыня наша императрица Екатерины Алексеевны всея России... наследнице ея благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче... /свя/тешаго правительствующаго Синода Члена преосвященнейшаго Афанасия епископа Ростовскаго и Ярославскаго /свя/щенослужителя сея святых церкви священно... Иоанне Михайлове и... Борисе Николаеве дьячке Иване Андрееве, старосте церковном сея Рыбной слободы посадском человеке Филимоне Алексееве Жилом, тщанием... сея святых церкви прихожских... (слободы) купечества а совершися... июня 4 дня... и преподобных...» Согласно нашим исследованиям, Филимон Алексеев Жилой (1720–1778), четвертое колено Стафея, осиротел в раннем детстве и воспитывался в семье дяди,

прасола Ивана Ивановича, впоследствии он преумножил свое наследство, активно участвовал в местном самоуправлении и в 47 лет, «блюдися неправедного имения а твори добрыя дела» [45], стал благоустроителем каменного храма.

О «праведном житии» заботились и другие представители рода. Упомянутый выше В. И. Жилев после смерти своей жены в 1876 г. пожертвовал Софийскому женскому монастырю землю, купленную им в центре города, на которой в 1879 г. была устроена часовня. Его сын, крупный хлеботорговец и мукомол А. В. Жилев (1854–1909), состоял попечителем земской больницы, членом попечительного совета женской гимназии, членом уездного попечительства детских приютов, тюремного комитета. В 1906 г. он составил завещание, согласно которому «капитал в 5 000 рублей и денежные взносы с мельницы по 200 рублей в год» были завещаны на «устройство училища садоводства и огородничества и при нем мукомольной школы» [46].

На протяжении рассматриваемого периода в культурном феномене провинциального рода по-разному актуализируется гендерный аспект. «Все мужчины и женщины в человеческой истории всегда устраивали свою жизнь в соответствии с социальным распределением ролей» [47]. С одной стороны, жены и дочери являлись неотъемлемой частью патриархального рода, их нравами и нарядами чванились перед соседями, перед сильными мира сего. В «1767 году, мая 8 дня вечером», когда по Крестовой улице двигался торжественный кортеж императрицы Екатерины II, купеческие жены, «поставленные в два ряда, одетые в богатое русское платье, с жемчужными на головах высокими кокошниками, устилали дорогу Ее Величества своими наилучшими платками; усердие это привело в восхищение... Екатерину, и она долго и милостиво разговаривала с купеческими женами» [48]. В многодетной семье роль жены как хранительницы очага многократно возрастала. Именно этим объясняется тот факт, что в случае смерти первой супруги глава семьи вступал во второй (а иногда и третий) брак нередко по истечении нескольких недель. С другой стороны, ценность мужчины и ценность женщины для общества в XVII–XVIII вв. не были уравновешены: заповеди отцов и дедов по-прежнему актуальны, а потому положение женщины в семье, в которой она родилась, определялась тем, что «не ей продолжать семью» [49].

Выявленные по архивным документам факты юридической состоятельности женщин, самостоятельного занятия предпринимательской деятельностью, раздельного владения имуществом, представления своих интересов в суде по Ярославской губернии датируются самое раннее первой половиной XIX в. Коммерция стала первой отраслью общественной жизни, где женщины имели право действовать наравне с мужчинами: они могли сами объявлять капитал, нанимать приказчиков. Иногда женщины самостоятельно заявляли капитал по купеческой гильдии и торговали от своего имени, отдельно от мужей. Несмотря на примат мужского начала в семье, имущество супругов было раздельным. Нами выявлено судебное дело, согласно которому предметом распрей между двумя родственницами стал деревянный дом по Волгской набережной города Рыбинска. После смерти его владельца Н. П. Жилова и наследовавшего ему племянника, Александра Михайловича, вскоре тоже скончавшегося, в 1860–1861 гг. мать А. М. Жилова, Анна Николаевна, судилась со своей золовкой Хионией Петровной. В судебном процессе Анна Николаевна в доказательство своих прав предъявила два векселя на 2 147 руб., деньги довольно значительные по тому времени, которые в свое время занимал

у нее сын. Дом, оцененный в 300 руб., должен был послужить для покрытия хотя бы части долга [50].

Л. М. Жилая овдовела в 1834 г. в возрасте 38 лет, оставшись одна с пятью малолетними детьми. Женщина взяла семейное дело в свои руки. Сохранилось ее прошение в городской магистрат, датированное декабрем 1837 г., в котором Л. М. Жилая просит о выделении ей участка земли по Малой Казанской улице, «мерюю по той улице» 12,5 сажень. Власти выделили вдове этот участок, обязав «построить на нем дом в течение трех лет». Полтора десятилетия спустя в «Обывательской книге города Рыбинска для записи купцов трех гильдий за 1848–1858 гг.» значится: «Любовь Михайловна Жилая. В г. Рыбинске имеет деревянный дом с мелочной лавкой, надворными деревянными строениями. На купленной городской земле — 2 амбара для битья скотины. Торговлю производит мясным товаром» [51].

На рубеже XIX–XX вв. экономический статус женщины почти сравнялся с мужским. Так, супруга купца 1-й гильдии А. В. Жилова, Мария Андреевна, при жизни супруга владела двумя лавками в мучном гостином дворе [52]. Овдовела она в 1909 г. В наследство от главы семьи старшему сыну, Василию Александровичу, досталась оптовая торговля хлебом. Но остались еще и долги — невыплаченные кредиты и т.д. Мария Андреевна и сыновья организовали «Торгово-промышленное товарищество наследников А. В. Жилова». Директорами-распорядителями Товарищества стали вдова и старший сын Василий. Вначале дела шли непросто, Товарищество даже оказалось под угрозой банкротства. Но постепенно бизнес наладили, расширили за пределы губернии. Но Василий оказался для матери не опорой, а причиной конфликтов, начал «укрывать паи». Администрация Товарищества встала на сторону Марии Андреевны. В 1915 г. дело дошло до ревизии ценных бумаг, до вмешательства полиции... Однако жесткий «мужской» бизнес М. А. Жилова вела уверенно и успешно: в 1917 г. компании принадлежали уже четыре мельницы, было открыто свое представительство в Москве [53].

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН) нами выявлены документы, позволяющие открыть неизвестные ранее страницы истории рода, в частности связанные с астрономом Пулковской обсерватории М. В. Жиловой. В 1916 г. она составила духовное завещание, согласно которому с процентов от ее капитала в банке следовало «платить: а) за слушательницу Высших Петроградских Бестужевских курсов; б) за одну гимназистку в Рыбинской Мариинской женской гимназии; в) за одного ребенка из слушателей Пулковской обсерватории в низшую школу; г) за одного или нескольких деревенских ребятишек в Пулковскую школу. <...> б) Остающиеся деньги из ежегодных процентов с этих 10 тысяч выдавать... как премию на высших женских Бестужевских курсах за лучшие произведения по астрономии...» [54].

Таким образом, культурно-историческими основами провинциального рода как культурного феномена выступают патрилинейность и родовое имя, являющие кальку общероссийских культурно-исторических закономерностей, а также специфически проявляющиеся в культурном поле провинции локус рода, сакрум рода и гендерные аспекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Маяк И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М., 1983.

[2] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и

государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 88.

[3] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 607.

[4] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. М., 1987. С. 491.

[5] Там же. С. 33.

[6] Там же. С. 492.

[7] Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск, 1995.

[8] Большаков В. П., Володина Т. В., Выжлецова Н. Е. Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии. Великий Новгород, 2002.

[9] См.: Михельсон М. И. Большой толково-фразеологический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://slovartolk.narod.ru/bolshoy-tolkovo-frazeologicheskij-slovar-mihelzona.html> (дата обращения 15.03.2012); Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений. М., 2008. 783, [1] с.

[10] Шмеман А. Таинство и символ // Око церковное — литургическая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liturgica.ru/bibliot/tainstvo.html> (дата обращения 15.03.2012).

[11] Правда русская : тексты. М. ; Л., 1940.

[12] Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 142.

[13] Там же. С. 141.

[14] Цит. по: Маяк И. Л. Указ. соч. С. 121.

[15] Государственный архив Ярославской области, Рыбинский филиал (далее — РБФ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 173.

[16] Там же.

[17] Розов Н. С. Интегральная модель исторической динамики: структура и ключевые понятия // Новосибирский государственный университет. Философский факультет. Архив философии и истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/dyn/syp-w.htm> (дата обращения 15.03.2012).

[18] Malia M. E. Russia under Western eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. L. ; Cambridge (Mass.), 1999. P. 26.

[19] Описание города Рыбинска: город Рыбинск и Рыбинская пристань сто лет тому назад (1811–1911) // Старый Рыбинск: история города в описаниях современников XIX–XX вв. Рыбинск, 1993. С. 13–50.

[20] Писцовая книга дворцовой ловецкой Рыбной слободы. 1674, 1675 и 1676 гг. Ярославль, 1917. С. 16–17.

[21] Гомилевский М. Описание города Рыбинска // Старый Рыбинск... С. 53–110.

[22] Там же. С. 79.

[23] Головщиков К. Д. Город Рыбинск, его прошедшее и настоящее // Старый Рыбинск... С. 113–201.

[24] Описание города Рыбинска... С. 37.

[25] Шунейко С. А. Функции торгового пространства в России XIX — нач. XX в. // Вопросы культурологии. 2011. № 6.

- [26] Там же.
- [27] Писцовая книга... С. 28.
- [28] Волков М. Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России, перв. четверть XVIII в. М., 1994. С. 21.
- [29] РБФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 230.
- [30] Балагуров Е. П. Проекты архитектора Карла Ивановича Росси для Рыбинска // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. Рыбинск, 2004. С. 24–29.
- [31] ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1097.
- [32] Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник, А-15914/167.
- [33] Подробнее см.: Скибинская О. Н. Родная кровь : семейные хроники XVII — нач. XXI в.: культ.-ист. очерк. Ярославль, 2010.
- [34] ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 67, 146.
- [35] Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 142.
- [36] Рокитянский В. Аксиоматика традиционализма // Prometa [Электронный ресурс]. URL: <http://prometa.ru/projects/prospect/lib/3> (дата обращения 15.03.2012).
- [37] Домострой : Полный текст. Сильвестровская редакция // Библиотекарь.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/rus/9.htm> (дата обращения 15.03.2012).
- [38] Описание города Рыбинска... С. 32.
- [39] Рокитянский В. Указ. соч.
- [40] Гуревич А. Я. История в человеческом измерении: размышления медиевиста // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения 15.03.2012).
- [41] Козырев Ф. Н. Церковь и пол: четыре размышления о христианской этике пола. СПб., 2003.
- [42] РБФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2736; Ф. 419. Оп. 2. Д. 4.
- [43] Там же. Ф. 419. Оп. 2. Д. 1, 3, 22, 38, 78, 110.
- [44] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7162.
- [45] Домострой...
- [46] Цит. по: Парменова А. Завещание землякам // Ярослав Мудрый. 1999. 25 нояб.
- [47] Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004. С. 30.
- [48] Гомилевский М. Указ. соч. С. 64.
- [49] Правда русская. Т. 2. Комментарии. М. ; Л., 1947. С. 649.
- [50] РБФ ГАЯО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5333; Ф. 419. Оп. 2. Д. 17.
- [51] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4918.
- [52] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9259.

[53] Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 1.

[54] СПФ АРАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 24.

© Скибинская О. Н., 2012

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

Скибинская Ольга Николаевна,

старший преподаватель кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль),
e-mail: book-os@rambler.ru

UDC 929.52

Skibinskaya O.

**Cultural and Historical Foundations in Gens Research
Concerned with the Russian Provincial Tradition**

Abstract. The author analyses cultural and historical approaches to research in provincial genges as a cultural phenomenon and represents results of the study in the history of the Zhiloi-Zhilov family from the town of Rybinsk in Yaroslavl Region. The study covers the 17th — beginning of the 20th century and demonstrates specificity of the regional tradition.

Key words: provincial gens, patrilineage, patronym, locus gentis, sacrum gentis, gender

Skibinskaya Olga Nikolaevna,

Senior Lecturer at Russian Literature Department,
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl),
e-mail: book-os@rambler.ru